

И в этом случае мы можем говорить о том, что автор рассказа «Под Новый год» заявляет качественно новый для авторов провинциальной периодики конца XIX в. подход к осмыслению народной традиции в рамках литературного жанра. Этот подход можно обозначить как лесковский. Следуя лесковской традиции актуализации фольклорного слова в литературном жанре, тверской автор создает произведение, в котором элемент чудесного «истекает из свойств русского духа», в котором есть «какая-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка», который «непрерывно оканчивался бы весело» и «должен быть истинным происшествием»¹.

Таким образом, рассказ «Под Новый год» можно рассматривать как попытку провинциального автора осмыслить уже существующий литературный канон в свете насущных задач периодического издания, поставившего своей целью создание назидательных произведений для народа.

Литературная традиция новогоднего рассказа трансформируется в сознании автора провинциальной газеты в традицию поучительного рассказа для простонародья, основной конфликт которого сводится к «чуду понимания».

Идея рассказа заключалась не в том, что новогодние чудеса возможны, но в откровенном морализировании на тему нравственного урока, который получили герои рассказа и, соответственно, читатели.

А. Ю. Сорочан

«НЕКРАСОВЩИНА» И «ДОСТОЕВИЩИНА» КАК «ЗНАМЕНАЯ ВРЕМЕНИ»:

Д.Л. МОРДОВЦЕВ О ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ 1860-Х ГГ.

Даниил Лукич Мордовцев — не самый заметный автор в истории русской литературы; вместе с тем его произведения явственно занимают особое место в беллетристике 1870-1900-х гг. Уникальна сама эволюция, которую претерпел автор за полвека литературной деятельности. Начал он как беллетрист, писавший по-украински, потом напечатал ряд ученых исследований и публицистических работ, а со второй половины 1870-х годов посвятил себя исторической прозе, адресованной русскому читателю (эпизодические возвращения к украинскому языку в 1880-х только подчеркивают переход в иную языковую среду). Далее — с конца века Мордовцев пишет все больше романов «экзотических», из жизни древнего мира. Такая эффектная эволюция делала Мордовцева непонятным и для современников, не говоря уже о нынешнем читателе. Об

¹ McLean H. Nikolai Leskov: The Man and His Art. Harvard University Press. Cambridge; London, 1977. С. 373-392.

этом, кстати, писал уже Н. К. Михайловский: «Мордовцев есть в русской литературе некоторым образом беззаконная комета среди расчисленных светил. Он обладает не только оригинальной манерой изложения <...> но и оригинальным складом мысли. Он никогда не идет в хвосте других, но и другим за ним идти тоже мудрено»¹.

А для понимания единства художественного творчества писателя практически ничего не сделано. Упреки вековой давности в отсутствии монографических исследований о творчестве Мордовцева² по-прежнему актуальны. Если таких исследований не будет, мы вряд ли сможем в полной мере оценить его вклад и в литературу, и в историю, и в культурологию. Ведь опыт «демократизации области исторических исследований»³, предпринятый Мордовцевым — историком и беллетристом, помогает многое прояснить в культурной и литературной ситуации второй половины XIX века. А осмыслить этот опыт невозможно, не проанализировав ранних текстов писателя, на которых долгое время и строилась его литературная репутация. И главным в числе этих текстов следует признать роман, в котором с легкостью можно обнаружить элементы того жанра, который позднее принес Мордовцеву массовую популярность.

«Знамения времени» — книга противоречивая; такова и ее судьба. Это единственный роман Мордовцева, переизданный (причем дважды — в 1923 и 1957 гг.) в советское время. Однако в этой разрешенной книге всякий мог прочесть, что «Искра», «стремившаяся убедить публику, что русская литература — куча навоза», «сама навоз и есть», а революция, основанная на тайном заговоре и кровопролитии, это грех, за который грядет скорое возмездие⁴. На первый взгляд, перед нами еще один вполне традиционный «роман о современной писателю народнической интеллигенции»⁵, лишенный яркой фабулы и запоминающихся характеров. Однако Мордовцев выступает как предшественник «описаний эпохи», позднее созданных Амфитеатовым («Восьмидесятники»), Авсеенко («Злой дух») и многими другими романистами конца века, более или менее талантливыми и известными.

¹ Михайловский Н. К. Сочинения. СПб., 1897. Т. 6. С. 674.

² Глинский Б. Б. Литературная деятельность Д. Л. Мордовцева (по поводу ее пятидесятилетия) // Исторический вестник. 1905. № 2. С. 579.

³ Там же. С. 597.

⁴ Мордовцев Д. Л. Собрание сочинений: В 14 т. М.: Терра, 1995-1996. Т. 14. С. 385. Далее роман цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

⁵ Аржаная Г. Предисловие // Мордовцев Д. Л. Знамения времени. М., 1957. С. III. В этом потрясающем «предисловии» ни единым словом не упоминается об исторической беллетристике Мордовцева.

В двух словах напомним сюжет: главный герой — бывший журналист, сотрудник «Дела» и «Отечественных записок»¹ Стожаров — после путешествия по Европе странствует по Волге, во время странствий встречает свою давнюю возлюбленную; его петербургские знакомые — Караманов и Канадеев — пытаются справиться с душевными противоречиями, обрести новый смысл жизни в новое время. В итоге сумасшедший Канадеев кончает с собой, а Караманов и Стожаров, расставшись, отправляются соответственно устраивать коммуну на чистом месте и обустроить родное имение на новых началах.

Особенность романа Мордовцева — в явной и подчеркнутой автором «литературности»; даже время здесь измеряется не политическими событиями, а явлениями литературной жизни. Важна отмена крепостного права, важны земства, важны налоговые реформы, но обсуждения романов Чернышевского, Гончарова, Тургенева занимают в книге едва ли не больше места. «После “Что делать?”», «после “Отцов и детей”», «после “Обрыва”» — вот важные для автора формулы. И это вписывается в общую эволюцию прозы Мордовцева. В описание современности наряду с традиционными библейскими образами проникают впервые и образы светской литературы, преходящие и характерные. Все последующие романы и повести Мордовцева насквозь цитатны. История, как мы увидим далее, в значительной части своей сводится к литературным коллизиям.

Тут следует напомнить о литературных «знамениях времени», на которых и основывается историческая концепция романа, — о Достоевщине и Некрасовщине. Этих слов Мордовцев, конечно, не употребляет. Он поступает по-иному. Для описания того или иного состояния писатель обращается к скрытому или явному цитированию тех или иных авторов. В каждой главе его романа таких цитат чаще всего две — явная и скрытая соответственно. И каждая из 33 глав — это иллюстрация или вывод, или развитие цитируемой мысли. Можно бы составить таблицу, где все эти парные цитаты учтены, но в конце концов тема данной работы немного иная. Вместо обстоятельного анализа многочисленных цитат важнее рассмотреть отношение Мордовцева к Некрасову и Достоевскому, а точнее — к тем комплексам, которые оба писателя в его представлении олицетворяли. При этом следует учитывать, что «Знамения времени» — и мнение одного человека (о таланте которого можно судить по-разному), и отражение мнений кружка, позднее группирующегося вокруг редакции «Исторического вестника», где активно сотрудничает Мордовцев. В истории его сотрудничества с периодическими изданиями это — финальный эпизод, тихая гавань. А вот время сотрудничества с «Делом» и «Отечественными записками» — это в жизни Мордов-

¹ Автобиографический характер данного образа самоочевиден: помимо сотрудничества в указанных журналах, Мордовцева роднят со Стожаровым и другие черты.

цева не самый счастливый эпизод. Исследователи специально данным вопросом не занимались, я хочу только указать на него. Отъезд Мордовцева в Саратов был связан с материальными затруднениями, вызванными хронической неаккуратностью журнальных редакций в выплате гонораров¹. Переписка с Некрасовым практически не сохранилась, но косвенные указания в других письмах свидетельствуют о, скажем так, не слишком джентльменских отношениях редактора и автора. А с Достоевским у Мордовцева в 1870-х годах сложилась сугубо литературные контакты. В «Дневнике писателя» Достоевский ссылается на Мордовцева, включаясь в инициированную им полемику о провинции; в «Тритоне» — иронизирует над «психологизмом» исторических романов о Петре и его эпохе...

Однако от биографических подробностей возвратимся к тексту «Знамений времени». Все личные разногласия между литераторами остались в прошлом — Мордовцев вообще был известен непрактичностью и исключительным добродушием (которое иные недоброжелатели называли беспринципностью). Особую важность в романе обрело влияние произведений Некрасова и Достоевского на состояние русского общества и на формирование в нем комплексов, вполне достойно называемых по именам писателей. Ничего подобного не произошло ни с Тургеневым, ни с Гончаровым. Достаточно узнать, как оценивают их сочинения персонажи с самыми разными взглядами: «Наше поколение пошло дальше вас и ваших нигилистов, дальше Базаровых, Кирсановых и Лопуховых» (266); «Где в литературе идеалы? Не в романах же Гончарова, не у Авдеева же и у Тургенева?» (498). Однако не удостаивается подобной чести и автор «Что делать?». Этот роман обсуждается на страницах «Знамений времени» дважды, и оба раза результат один: купец Гриднев: «Это для нас уже старье...»; дворянин Стожаров: «Я заглянул дальше той черты, где кончается учение Чернышевского, и нахожу, что идеалы его узки и односторонни» (384). Роман произвел, таким образом, «ментальный» эффект, но общественного состояния не изменил — социум довольно быстро обогнал писателя, олицетворяемые им взгляды тотчас же остались в прошлом и более не оказывали воздействия на психологическое и социальное состояния людей². Иное дело — Некрасов и Достоевский, принешие в литературу и в жизнь комплексы «кающегося дворянина» и «вечного страдальца». Тут возникает законное недоумение: а как же Л. Н. Толстой, воплотивший мотив «дворянского покаяния»? В том-то и дело, что он не упоминается на страницах романа

¹ На это указывают А.С. Ранчин и С.И. Панов в предисловии к изданию: Мордовцев Д. Л. За чьи грехи? Великий раскол. М.: Правда, 1990. С. 13.

² Расхождения Мордовцева с Чернышевским, отразившиеся в ранних произведениях, подробно проанализированы. См.: Варганова Н. А. Д. Л. Мордовцев: саратовские страницы жизни и творчества. Саратов: Изд-во СГУ, 2003. С. 60-72.

Мордовцева ни разу, ни прямо, ни косвенно. А произведения Некрасова и Достоевского буквально не сходят со страниц этого объемного сочинения. Какую же картину создают эти цитаты, что вычитали герои из этих книг и каково жизненное приложение этих мыслей?

Стожаров видит окружающий мир сквозь призму некрасовских цитат и ситуаций с самого первого появления в романе. Путешествуя по Волге, он и его товарищ Серпороев не только вспоминают строки «...Не весела ты, родная картина!» (250). Главное — внутренний монолог Стожарова, где появляются давно знакомые некрасовские фигуры: надорвавшийся и умерший на берегу бурлак, «серые деревеньки», «потерянные» «фигуры на плотках». Сам пароход, на котором едут герои, такой же символ прогресса, как и поезд в «Железной дороге»: «Кланяйтесь же мне в ножки: без меня вы тянули бы эту махину до гробовой доски...¹ <...> А мужик ее же ругает: — Ишь она, окаянная, как пыхтит!» (248).

А потом, уезжая, прошепчет себе герой: «Бедный, бедный народ! До чего тебя изуродовали, до чего довела тебя твоя горькая доля... Долго нам еще придется возиться с тобой, и долго будут жать тебя голод, да холод, да нужда в три погибели» (424). Что это, как не цитата из Некрасова?

Даже во сне Стожаров мыслит знакомыми поэтическими образами: «И видит он в стороне бледное лицо, какие бывают только у истязуемых, и лицо ему это знакомо, потому что он видел это лицо в гробу... Да, это оно, это лицо Добролюбова...» (547). Добавим: это лицо некрасовского героя, «светильника разума», с характеристикой которого накрепко связаны следующие строки: «Учил ты жить для славы, для свободы, но более учил ты умирать»². Вот описание смерти героини и начинается сразу после сновидения. Таких же некрасовских героев видит Стожаров и в жизни. При встрече с жаждущим образования юношей Матвеем Таволгиным сразу возникает вопрос: «Ломоносовым захотел быть?» (286). И далее следует размышление в знакомом ключе некрасовского «Школьника»: «Он знает, он слышал от кого-то, что крестьянский сын и в гимназии сидит как свой человек, и в университет лапти пронесли крестьянского сына, и это ему кажется делом обыкновенным. — Не я первый, не я последний...» (288). Вывод, таким образом, тот же: «не робей, не пропадешь!».

Даже тетка Маланья, у которой хлеба перекисли, по мнению Стожарова, «так была в этот день “грустно настроена”, так устала “от

¹ Ср. у Некрасова («На Волге (Детство Валежникова)»: «Когда бы зажило плечо, / Тянул бы лямку, как медведь, / А кабы к утру помереть, / Так лучше было бы еще...» (Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 90).

² Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 173.

мучительных дум»¹ по неудавшимся хлебам» (446). Это казалось бы пародией, если бы не искренность героя, уже отказавшегося от личного счастья, от благополучной жизни ради достижения смутного идеала, выраженного в литературном тексте. Избранница Стожарова — Варенька Бармитинова — достойна героя. Вспоминая Огюста Конта и его идею о молитве женщине, «перемешанной отрывками из лучших поэтов», она молчаливо соглашается с подругой, тут же рекомендующей: «Я бы из Некрасова» (317-318).

Число таких цитат можно бы умножить вдвое, но целое от того не изменится. Последователи Некрасова на основе его поэтических образов создают целую теорию общественного и личного поведения, регламентируя словами «учителя» весь жизненный путь.

Явлением иного порядка предстает в романе Мордовцева «достоевщина», связанная с двумя героями — Карамановым и Канадеевым. Фамилии кажутся данными не случайно: созвучие их «Карамазовым» не вызывает никакого сомнения. Весьма вероятно, что Достоевский не прошел мимо этих созвучных фамилий в работе над своим последним романом. Читатели получают представление о двух сторонах одной общественной болезни, о двух типах заблуждающихся... Таковы фанатик Караманов и увлеченный до безумия Канадеев. Они не только друзья, но и мечтатели, идущие к «общему делу». С галлюцинаций Канадеева роман начинается, самоубийством его кончается. Два фрагмента у Достоевского явно произвели огромное впечатление на автора: последний сон Раскольникова в «Преступлении и наказании» и сцена казни в «Идиоте». К ним-то и возвращается болезненная фантазия Канадеева — снова и снова, все с новыми деталями и смыслами. Мир для него полон болезненных флюидов, поражающих как отдельных людей, так и целые народы, утрачивающие способность к пробуждению и борьбе и упивающиеся собственным страданием. А психологизированное описание казни дает толчок непрекращающимся размышлениям о неизбывном мировом зле: «И не хотелось мне оставаться на земле, где так много зла, грехов и скорби, и я вновь полетел в планетное пространство...» (217-218).

Другая небезынттересная деталь — Канадеев более прочих персонажей озабочен «славянским вопросом». А ведь патологическое стремление освободить братьев-славян до добра не доводит. Профессор Ратмиров — герой позднего неоконченного романа Мордовцева — из-за этого пришел к созданию тайного общества и — попал в Петропавловскую крепость. Мордовцев истолковал его заблуждение как следствие горячечной увлеченности, «лихорадочной болезни». Нечто болезненное есть и в мечтах Канадеева о пробуждении «славянского гиганта» (215). А о взглядах Достоевского на славянский вопрос Мордовцев мог быть

¹ Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. С. 142.

прекрасно осведомлен из статей «Эпохи» и «Времени» (упоминания об этих журналах были уже в первом романе Мордовцева «Новые люди»).

Что же до Караманова, вся его биография предстает перечислением черт героев Достоевского. Он и «идиот» (так его называют соученики за патологическую правдивость), и готовый на убийство ради идеи человек (сцена любовного объяснения, завершающегося вспышкой насилия), и «бес», и «подросток» («что-то детское проглянуло на миг в его жестоких чертах» — 325). Таким он видится Марине Канадеевой, мысленно сравнивающей его со Стожаровым. Впрочем, сравнениями сыплет и сам Караманов. И некоторые из них проясняют позицию обоих героев. Для героев актуальны темы и образы — специфически «достоевские».

Я намеренно исключаю из рассмотрения дискуссию о роли провинции в русской жизни, инспирированную циклом статей Мордовцева¹, к которой не раз обращался Достоевский. Тема эта весьма обширна, полемика вокруг «Печати в провинции» принесла значительные результаты, но непосредственно в «Знамениях времени» отразилась слабо — просто потому, что роман посвящен предшествующей фазе русской жизни.

В последней главе, окончательно обращая роман из драмы идей в мелодраму, звучит приговор времени: «И там и тут — те же судороги жизни, те же нравственные конвульсии... Буря жизни, пронесшись над теми, кто подвернулся под ее суровые законы, — стихла» (567). Все пережитое, передуманное лишь калечит, уничтожает людей. Фразу: «Северный колосс проснулся — это знамения времени», — произнесет безумец Канадеев, прежде чем броситься в реку. И судьба «общественных веяний» кажется проблематичной, туманной и печальной, какой была испокон веку судьба безумцев, несущих людям счастье любой ценой. Они — больны, они такие же носители «флюидов» болезней, поражающих общество, как и те, с кем герои ведут борьбу.

Что до собственной позиции Мордовцева, то она не так уж проста и не сводится к фразе о «болезнях века». Для прояснения собственного мнения романиста уместно обратиться к более поздним книгам — «Царю и гетману», «Ироду» и «Железом и кровью». Именно там возникнет и литературный идеал — олицетворение всего лучшего, что есть в русской литературе и общественной мысли. А о судьбе «некрасовщины» и «достоевщины» достаточно определенно сказано в последнем абзаце «Знамений времени» — снова со скрытой цитатой: «Вода унесла и труп безумца, и отчаянные головы живых безумцев — Стожарова и Караманова... Нас больше интересует вопрос: дадут ли Стожаровы и Карамановы *бедным людям* то счастье, идея о котором засела в их упрямых головах?» (572).

¹ Мордовцев Д. Л. Печать в провинции // Дело. 1875. № 4-7.

«Знамения времени» у Мордовцева имеют исключительно литературное происхождение. И, разумеется, наряду с широтой литературных познаний и глубоким пониманием общественной ситуации в романе очевидна и надуманность, условность авторской концепции. Обратившись в художественной форме к теме народных движений, Мордовцев сумел преодолеть ограниченность своих «современных» романов. Их неприкрытая «книжность» вызывала справедливые нарекания. Однако в этих ранних книгах уже сказались те особенности манеры писателя, которые потом сделали такими популярными его исторические романы. В «Новых людях» и «Знамениях времени» рассматривается литературный контекст эпохи, для понимания ее исторического своеобразия важнейшим источником оказываются книги, на цитатах из которых во многом строится повествование. В ранних исторических романах и повестях роль этого лейтмотива исполняют тексты монографий и документов. Однако романист быстро выходит за рамки воспроизведения в беллетристической форме данных исторической науки. И тогда от исторического повествования (из эпохи XIX или из XVII столетия) он переходит к «квазиисторическому» — масштабной художественной реконструкции истории на обширном литературном материале. Но этот сюжет заслуживает отдельного обсуждения...

С.А. Васильева

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ ЖУРНАЛА «СЕВЕР» (1888—1891)

В 1888 г. Вс. Соловьев вместе с П.П. Гнедичем основал иллюстрированный еженедельный журнал «Север», задуманный как общедоступное, чисто русское издание, преследующее патриотические, литературные и художественные задачи. Приступая к изданию «Севера», Соловьев во многом ориентировался на существующие традиции издания «тонких» журналов, в частности на «Ниву», хотя А.И. Рейтблат отмечает, что «Север» по содержанию приближался к толстым журналам¹. Редакционная политика журнала «Север» во многом была схожа с политикой «Нивы». Была одинаковой и подписная цена на «Север» и «Ниву»: за год без доставки — 4 руб., с доставкой — 5 руб. 50 коп., с пересылкой во все города Российской Империи — 6 руб., за границу — 8 руб.

Существующий рынок журнально-газетной продукции был заполнен достаточно плотно. Чтобы найти *своего* читателя, нужно было либо предложить что-то совершенно новое, либо привлечь сочетанием предлагаемого материала и цены на издание. Задумывая собственный журнал, Соловьев вынужден был учитывать и литературно-

¹ Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту. М.: Изд-во МПИ, 1991. С. 18.